

Самохин И.

**«Этот Мир был
наш. Донбасс -
СССР»**

Самохин И.

**«Этот Мир был наш.
Донбасс - СССР»**

«Автор»

2026

И. С. А.

«Этот Мир был наш. Донбасс - СССР» / С. А. И. — «Автор»,
2026

Книга о детях двадцатого века из исчезнувшей великой страны, из этой большой оравы детворы целого дома на белом свете осталось всего два человека, считая автора, и оба они уже седые как лунь патриархи. Нет больше незаменимых друзей детства, как нет и нашей Великой Родины. Их время совсем и навсегда утекло в песок, но след на нём остался. Пройдёмте, потомки, вместе с Автором по тропкам невинного детства, пока время окончательно не занесло следы детских ног на зыбком и изменчивом бархане песков времени. Семь лет до школы, это был целый мир. И этот мир был наш. Мы им владели каждый день до самозабвения, мы были в нём счастливы. Ради этого погибли на прошлой войне наши деды. Ради этого наши родители чуть свет уходили на работу, чтобы мы, беззаботные как птицы, дышали свободно этим воздушным океаном. Чтобы наш звонкий смех раздавался на этих улицах, в этих бескрайних цветущих полях. У многих такого детства просто не было.

© И. С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хроники детства.	5
Глава 2. Прописано сердце по адресу детства.	14
Глава 3. Солнечный круг	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

«Этот Мир был наш. Донбасс - СССР»

Глава 1. Хроники детства.

Ты слышишь, как время уходит в песок?

Сначала минута, а следом часок.

А дальше недели, а после года

Уходят в песок, в никуда... в никуда.

А. Дементьев

Книгу о детях двадцатого века из исчезнувшей великой страны Иннокентий решил написать, когда почувствовал вдохновение и даже чувство долга. Его друзья детства дали на это согласие. Для многих тут повеет мистикой, ведь из этой большой оравы детворы на белом свете осталось всего два человека, считая автора, и оба они уже седые как лунь патриархи.

Нет больше незаменимых друзей детства, как нет и нашей Великой Родины. Их время совсем и навсегда утекло в песок, но след на нём остался. Пройдёмте, потомки, вместе с Автором по тропкам невинного детства, пока время окончательно не занесло следы детских ног на зыбком и изменчивом бархане.

Городишко Казачий Лог был когда-то в лучшие времена со сотысячным населением. Вокруг города находились промышленные предприятия, заводы и угольные шахты. В бескрайней степи на горизонте, на фоне голубого неба, торчали высоко вверх огромные башни копров и мегалитических цехов. Остатки цивилизации титанов.

Сам Казачий Лог тоже был хорош, город красавец в степи вдруг возник, там, где прежде в Диком поле лишь по балкам прятались в кронах вишен казацкие курени. Были в советском райцентре и свои небольшие достопримечательности. Главное богатство страны, это конечно её люди. Вот и сейчас немного про них и их судьбы, которые не делимы от родного города. О наболевшем.

В городе и через двадцать лет после Великой Отечественной по улицам ходил контуженный, но внешне приличный человек, по кличке "Комиссар". Кричал больной человек разные несуразности и смешные нелепые лозунги. «Бабы по коням» и «Ленин губы не красил». Ездил "самовар", инвалид без ног на дощатой тележке с шарикоподшипниками вместо колёс. Маленького Кешку поразил этот покалеченный человек. Но это случилось всего один раз, больше человек трагедия на глаза не появлялся.

И вот снова, уже в наше время, в связи с новой войной, на улицах опять появились вестники беды, одноногие и безрукие люди, просящие милостыню. И порой эти молодые покалеченные люди крепко пили с горя. Но они тоже куда-то быстро исчезли с улиц города, за пару лет. Появились на улицах люди с явными психическими расстройствами. Громко и яростно спорящие с невидимым собеседником и наушников у них явно не было. Это в основном были женщины, у которых могли быть взрослые сыновья.

Вот опять на трепещущую долю людскую выпала война. А ведь пусть бы лучше было сто лет Брежневского великого застоя. Теперь же прямо над головами страшно громко режут кажущиеся пикирующими самолёты, видимо они гоняются за чужими летающими орудиями убийства.

Когда от неуклонно надвигающегося и нарастающего крещендо рёва двигателей боевой машины мелко трясутся стёкла в стареньких деревянных рамах окон дома, ровесника хозя-

ина, Иннокентий начинает прощаться с жизнью. Старается успеть напоследок дочитать «Отче наш».

Ведь не знаешь сидя в доме, что на тебя летит, очень может быть что и твоя роковая ракета. А в окна выглядывать строго запрещено, ибо многих при близких разрывах посекло осколками стекла. Не говоря уже об поражающих элементах оружия. Научили людей также падать, не раздумывая, там, где стоишь, в грязь так в грязь, при любой опасности и непонятных ситуациях. Опыт, который дался большой кровью.

Добавляет остроты в жизнь пенсионерам, когда ночью над головами спящих граждан беззвучно пролетают дроны и ракеты. А потом сообщают в прессе что удары были нанесены по окрестным городам. Хорошо, что хоть Казачий Лог не поражают с четырнадцатого года. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

В прошлом веке, сто лет назад началась в здешних местах война, но ведь она хоть заканчивалась как-то, имела перерывы. Между первой мировой и гражданской был мирный период до Великой Отечественной. А теперь похоже вырисовывается для Донбасса тридцатилетняя война. И не алых и белых роз, совсем не роз.

Среди мирняка, почти все сплошь пенсы и инвалиды, которые никуда не могут уже уехать и воевать уже не способны. Они живут с покорностью своей судьбе, фатализм. Именно о таких, в основном, идёт речь, когда сообщают о сотнях и тысячах жертв среди гражданского населения. Им и защититься нечем, не доверяют им оружия, и спрятаться особо негде. А многим хотелось бы отдать свою жизнь подороже, а приходится порой смиренно принимать мученическую смерть от военного беспредела. Рабская участь. Остаётся только завидовать странам, где Гражданам, даже в мирное время, разрешено иметь оружие и есть возможность защитить свою честь. Если уж порой защитить её становится некому по разным причинам.

По радио тоже не всё в порядке, проникновенно призывают граждан сдавать кровь для раненных, очень надо. Вот прямо по голосу чувствуется, что очень надо, жизни людские в опасности. Но когда Иннокентий пришёл на пункт переливания крови, то его завернули назад. Он уже и как донор никуда не годится, он старше шестидесяти лет. Кровь его уже почти совсем не живая вода. Удручает это старого казака. Только чарка горилки добавляет немного оптимизма, горячит старую его кровь.

Мир опять сошёл с ума, снова Молох войны пожирает, под грохот канонады, в донских степях свои кровавые жертвы. Опять кровь людская впитывается в сухой чернозём Донбасса, чтобы через час снова стать землёй и травой. Опять числились пропавшие без вести сотнями только в одном городе. И над последним пристанищем многих трепетали на ветру государственные флаги. Но всё это случалось в недалёком прошлом и случилось опять в будущем степного города, а пока, в промежутке между войнами...

Стоит от безумной и страшной современности вернуться в тихое и благополучное прошлое, где лишь мелкие бытовые неурядицы беспокоили людей. Где все были равны и были почти как братья.

Предки Кешки жили по всей Европе. От Запорожской сечи до Швеции. Об этом говорят и устные фамильные предания, летописи, и генетические анализы. А вот именно в Казачий Лог родители Кешки, не подозревая о бурной судьбе всесоюзной кочегарки, переехали в Донбасс в пятидесятых. Они поднимали пострадавший от войны регион.

К Казачьему Логу примыкали несколько небольших посёлков, они входили в городскую черту, но порой добираться туда надо было больше десятка километров. Вот в одном из таких посёлков, носящих говорящее имя Степной, и разворачивались завораживающие события детства сотен детишек. Посёлок был молод. Его быстро построили рядом с новой шахтой. Он возник как Петербург, в голой степи, с правильными перпендикулярными улицами и кварталами из трёхэтажных кирпичных белых домов. Потускневшими со временем от угольной пыли.

Поэтому стариков там почти не было, а молодые семьи обзаводились детишками, получив комфортабельные, по тем временам, квартиры со всеми удобствами. В трёхкомнатных квартирах были даже в совмещённых санузлах чугунные ванны. В двушках было попроще, совмещённый санузел с душем.

Здесь стайки детишек и возникли из вселенского небытия, благодаря семейному счастью. Многие, к сожалению, уже безвременно растворились в непостижимой вечности, в череде смен поколений. Погасли как искры большого костра, уносящиеся в тёмное небо. Их время навсегда кануло в Лету, утекло как песок в часах. Даже жутко порой становится Иннокентию от этой пустоты, но остаётся лишь только смириться и не сомневаться в замысле Божьем. Слава Господу за всё что даёт...

Друзьям детства Кешки важно остаться жить в чьей-то памяти, хотя бы на бумаге. И им уже не важно, насколько смешные или нелепые события тогда с ними происходили. Ведь они тогда были глупыми буратинами, которые только начинали познавать этот мир и законы человеческого сообщества. Им тогда было ни капельки не неловко за те вещи, которые взрослые люди уже не могут себе позволить.

Эти невинные ангельские души оживают, когда их вспоминают. Это феномен автор почувствовал, когда навещал своего Отца в самом печальном для живых людей месте, в точке Земли, где ушедшие нашли последнее пристанище.

Там, в день шахтера его пригласил посидеть у его сына земляк, почти одногодка Иннокентия. Конечно, помянули всех честь по чести, сидя за одноногим столиком на недавно крашеной скамейке. И земляк вдруг, весело прищурившись, рассказал, как он встретился когда-то с Отцом Иннокентия. Воспоминание как бы спонтанно пришло ему на ум, но в таком месте не бывает случайностей. Разговор случился в жаркий солнечный день, под кронами могучих клёнов и грабов. В этот момент Иннокентий почувствовал, что Отец здесь, с ними. Такого ощущения у него не было десятки лет, а был, в этом плане, Иннокентий не бесталанный.

У земляка невольно ожила перед глазами картина тех дней, вместе с Отцом. И Иннокентия сильно пробрало от энергий, которые ему невольно передавал рассказчик, до слёз. Может слёз и сильно хмельных, а может и возрастных. Люди способны чувствовать дела духовные, хотя может это и не всем дано. Вот и земляк был удивлен реакции, ведь он ничего грустного не рассказал. Тот случай был даже скорее забавным с приятным застольем. А вышло так, что рассказчик стал посредником между людьми и небесами.

Безусловно в этих историях о детворе присутствует и художественный вымысел и недосказанности. Искать и находить сходство с реальными персонажами не имеет смысла. Да и в общем то уже и мало кто сможет вспомнить людей, насыщено и бурно живших свое счастливое детство шестьдесят лет назад.

Даже в родном трехэтажном доме практически не осталось людей из того детства. Некоторые квартиры стоят просто пустыми из-за сокращения населения, да и дрящущаясь больше десяти лет война дает знать. Ведь это шахтерский Донбасс!

Почему-то особенно обидно за квартиру Пижона, в которой проведено столько много дней в разные годы. Теперь туда даже отказываются заселяться люди, так как обвалилась штукатурка. Она была на шикарном и тёплом втором этаже, с кирпичными стенами, с ванной. С балкончиком, мечтой Кешки. Кешка жил на первом, с холодными полами из-за подвала. Под досками был подвал глубиной полтора метра с земляным полом. Оттуда в углу спальни поднималась по стене плесень, Мама забеливала её при побелке толстой кистью из узких полосочек неизвестного происхождения. Не добавляли тепла и стены первого этажа, почему-то сложенные, как цокольный этаж, из дикого камня.

Семь лет до школы, это был целый мир. И этот мир был наш. Мы им владели каждый день до самозабвения, мы были в нём счастливы. Ради этого погибли на прошлой войне наши деды. Ради этого наши родители чуть свет уходили на работу, чтобы мы, беззаботные как птицы,

дышали свободно этим воздушным океаном. Чтобы наш звонкий смех раздавался на этих улицах, в этих бескрайних цветущих полях.

Ранним утром Первого Мая по нашим улицам ездил бортовой грузовик, в котором сидел духовой оркестр и заполнял тихие улицы задорными мелодиями песен и маршами. И люди собирались, одевали праздничную одежду и шли на центральную площадь на торжественный митинг, на встречу с земляками, порадоваться победам и достижениям пролетариата.

Уходит в безвестность целая золотая вселенная незабываемого и бесценного, для оставшихся в живых, детства. Но есть надежда, что только в очень далёкой перспективе оно может полностью исчезнуть, как это было с сотнями поколений наших славных предков. От которых археологи находят глиняные поделки и черепки, мусор и клады, и делают глубокомысленные выводы о жизни никогда не виданных ими людей.

Хотя был случай, когда раскопали в сириях целую библиотеку глиняных табличек. И вот только тогда узнали, что жил оказывается на свете, почти три тысячи лет назад, целый неизвестный ранее народ со своей страной и историей. И если бы не библиотечарь, о них никто и никогда бы не узнал. Поэтому и автор взял на себя труд описать жизнь целого детского коллектива.

У многих из последующих поколений такого детства просто не было. Ведь это была эпоха развитого социализма, над которым тогда многие недальновидно шутили.

Мама Кешки, с тоской, сразу поняла специфику жизни в этих степях, когда по приезде увидела очередь людей к водоразборной колонке на улице. Из крана еле текла тоненькая струйка жизненно важной жидкости. Всю жизнь недомытые и не достиранные, так она, аккуратистка, определяла последующую свою жизнь.

Апофеозом водяного кризиса для Иннокентия стал день в начале девяностых прошлого века. Это были страшные годы. Развалилась предательски сверхдержава и наступило страшное время голода, холода и безводья. Не платили зарплаты, пенсии выплачивали частями, предприятия закрывались. Центральное отопление в Степном приказало долго жить. Кочегарку на посёлке остановили, во дворах лежали кучи чугунных лопнувших радиаторов.

Замерзающих людей команда нового городского мэра из бывших военных откровенно, без обиняков, посылала на хрен. Электричество веерно отключали, пока было тепло на улице жгли костры во дворе и там коротали тёмный период. А потом сидели в хате при лучине, так как на свечи надо было ещё найти деньги. А деньги обесценивались ежемесячно как в бантустане. И один раз Иннокентий получил получку более миллиона карбованцев. Некоторые одарённые, от того факта что впервые в жизни стали миллионерами, испытывали даже подобие счастья. Шоковая терапия, проводимая возродившимися толстосумами, для ошалевшего населения была в самом разгаре.

В это сумасшедшее время, в разгар зимы Иннокентий пришёл домой с работы. Было шесть вечера, как минимум. Жена встретила кормильца грустной фразой.

-А у нас пить нечего.

Не то что руки помыть. Семье с тремя детьми грозило очень трудное испытание, ведь и у соседей, бегающих в поисках воды по посёлку с ведрами, не займёшь этот второй необходимый после воздуха продукт. Ну кумовья скрепя сердце отольют пол ведра, наверное, если слёзно попросить. Ну и что потом, выдавать каждому по сто грамм, как в Брестской крепости?

Хорошо, что в тридцать лет силы ещё не все растрочены. Иннокентий молча пошёл в сарай, взял санки, поставил на него квадратный оцинкованный бак, привязал к саням, в таких емкостях на стройке привозили краску и пошёл по с детства знакомому маршруту. В такое время воду можно было набрать только в кринице, в которой он пил воду в своём детстве. Этот ближайший животворящий источник находился аж в соседнем селе за несколько километров. Этот родник питал цепь ставок и в детстве летом Кешка иногда ходил к нему утолять жажду.

Зимний вечер был бы очень тёмным, но вокруг лежало белое снежное одеяло, укрывшее всю степь до самого горизонта. К сожалению, на небе не было видно Луны, а было бы значительно веселее. Вот Иннокентий прошёл последние жилые дома посёлка и вышел к темнеющей посадке. Рядом с ней летом шла тропка, по которой измученные жарой поселковые жители ходили освежиться в прохладной воде пруда.

Но зимой вокруг в бесконечных полях не было ни следа человека, и молодой мужик пошёл свои санки по снежной целине. В здравом уме холостой, а может быть и женатый, человек ни за что бы не полез в такое приключение. Но дома сидели детишки, у которых не было ни глотка воды. И сцепив зубы, человек шёл по снежному полю, с каждым шагом он удалялся от тёплых домов, в окнах которых маячил слабенький свет. Он был должен это сделать, настал один из многих момент истины для главы семьи. Впереди была морозная безлюдная тундра.

Он вроде бы всё учёл, но забыл про рассказ Отца, который однажды тоже однажды в тёмное время суток шёл через заснеженные поля, но по трассе с работы. Он забыл про волков. И в результате шагал он по глубокому, по колено, снегу с голыми руками. Ни топора, ни железки никакой для обороны он не взял.

Пятьсот метров вдоль посадки, перебрался через железнодорожные пути и опять вдоль другой посадки километр, у которой в детстве был огромный колхозный сад. Спустился в неглубокий овраг, поднялся и опять спуск к замёрзшему пруду. Вдоль его берега, точно по пройденному тысячи раз в детстве и летом маршруту. Не время было экспериментировать с более краткими путями. Обогнув мыс с пляжиком добрёл человек до желанного родника. Он уже успел обрадоваться увидев, что в снегу пробивается ручеёк. Значит источник не замёрз!

Значит его расчёты были верны. Сил прибавил оптимизм и вот наконец и место силы на этой земле! Источник был весь в навороченных причудливых торосах. Но удалось найти место, где струйка воды падала водопадиком спустившись с ледяного плоскогорья. Около получаса Иннокентий подставлял и наполнял свою кружку природной водой. Было холодно и мокрые руки замёрзли, но десяти вёдерный бак он всё-таки наполнил. Родная земля не подвела, не дала пропасть. Напоила своей плодородной грудью.

Источник был почти в начале оврага, но на несколько метров ниже поверхности земли. Там дальше, на север и вверху на холме, смутно виднелись дома села, в котором была братская могила воинов, погибших в боях с немцами.

Молодой мужик совсем воспрял духом, когда понял, что он сможет тащить санки со стокилограммовым грузом по своим следам. Значит всё идёт как надо, значит его дети сегодня будут пить свежую родниковую воду. Значит они перебьются до следующей водной оказии. Ребята, будем жить!

Но приключения ещё не все закончились. Видимо в окрестностях этого села, в котором в сараях держали много сельхоз животных, шла незримая ночная охота. Инстинкт подсказал мужику что он здесь не один. Многочисленные выжившие поколения охотников на мамонтов выработали ощущения этого взгляда в спину. Человек резко обернулся и наткнулся на хмурый взгляд из-под шерстистого лба. Большая четвероногая зверюга метрах в десяти остановилась и мгновение шла дуэль взглядов.

Человек понял, что ему просто необходимо победить. И его охватила дикая боевая ярость. Он мгновенно шагнул к ближайшему раскидистому дереву и мгновенно выломал, нажав против его естественного направления роста, хрустнувший промёрзший сук с ветками. Сук был тонковат для битвы и за дубину сойти не смог бы. Но ещё и не известно, смог бы он отломить и его в другое время. Но времени искать что-то другое не было.

Человек инстинктивно поднял его над своей головой, мгновенно увеличив свой рост наполовину. Древний приём, действующий на хищников, оценивающих мощь добычи по габаритам. Для этого медведь встаёт на задние лапы.

С диким рёвом мужик ста восьмидесяти сантиметров ростом ринулся к животному. У него было плохое зрение, и он не мог точно определить является ли его противник одиночным волком. Но у него не оставалось другого выбора. Выброс адреналина превратил его в дикого зверя массой не менее чем у хищника. И он готов был разорвать его голыми руками, готов был к смертельной битве.

И охотник это понял и тоже мгновенно принял решение. Видимо он был не очень голоден или может человек показался ему непреодолимым противником. Но преследовавшая человека тварь отпрыгнула боком и уже из этого положение широкими махами своих длинных лап по рыхлому снегу начала удаляться.

Взъярённый человек гнался за зверем ещё метров сто, ясно понимая, что догнать своего врага не сможет. Всё это время из его глотки вылетал звериный рёв вперемежку с сакральными ругательствами. Напоследок у родника он схватил кусок льда и запустил вслед спешно удаляющемуся степному противнику. Поле боя в ночном полумраке осталось за человеком.

Час Быка ещё не настал. Тьма спустилась на бесконечные степи лишь три часа назад, и хозяин безлюдных голодных просторов прогнулся перед чужой решимостью.

Он ещё долго не мог отдышаться и остановившись уже просто кричал ругательства в спину бежавшему врагу. Наконец адреналин в крови пришёл почти в норму и человек, тоже значительно быстрее чем шёл сюда пустой, отправился в обратный путь.

Стоит ли говорить, что оглядываться пришлось всю дорогу, подходящий сук так и не попался до самого посёлка. Да и терять драгоценное время на поиски оружия было рискованно. Иннокентий дышал как загнанный конь, когда затащил в сарай санки с драгоценным грузом. Одежда была мокрая от пота, хоть выжимай. Он зашёл домой и сняв с себя почти всё, успел лишь погладить по голове подбежавшего ребёнка, упал на дальнюю кровать в спальне и провалился глубокий, но нервный сон.

Лишь много позже Иннокентий вспомнил трагический случай, произошедший во времена Маминой молодости. О нём Мама с грустью рассказывала и это было как хрестоматия, которая не имеет к теперешней жизни отношения. Это ведь было давно и в лесном краю. Зимой волки съели молодую учительницу. Она была сообразительная и успела поджечь стог сена, находившийся рядом. И вот пока горело сено, она успела написать в школьной тетрадке прощальное письмо. От бедняжки осталась только часть ноги в валенке. Дикое зверье опять представляет опасность в пустеющих пространствах вымирающей страны.

Этот случай подтолкнул его перебраться любыми путями в Казачий Лог, где в черте города существовали действующие родники, и горожане могли удовлетворить свою потребность, не путешествуя за три моря.

В этом же городе, слава Богу, жил ещё один выживший брат деда, Николай Васильевич. Первое время семья переселенцев, ещё без героя нашей повести, жила в частном доме, в райцентре, где снимали комнату у доброй тёти Моти. Добрые отношения с ней ещё долго поддерживали, Кешка помнил, как приходили в гости к доброй женщине. Теперь этой улицы нет, на месте частных домов поднялись типовые панельные пятиэтажки.

Вскоре Отцу шахтёру дали квартиру в Степном, маленькую, но двухкомнатную. Теперь по площади однокомнатные больше бывают. Жили небогато, не все шахтёры хорошо зарабатывали. На участках с хорошими заработками работали бригады, состоящие из своих, кум, сват, брат. Но в магазинах было полно товаров, снабжение почти московское. Кешка помнил, как Отец, когда ехал в отпуск в Россию, покупал целый копчёный окорок, вёз родне в подарок.

Кешка помнил дружные застоля по поводу праздников, когда взрослые пели песни и плясали, кроша крашенный пол сапогами с подковами. Запомнился раздольный и душевный «Хазбулат удалой». Тогда не было ни радиол, ни магнитофонов. Когда в доме, в семье товарища по детским играм Пижона появился первый в Кешкином доме чёрно-белый телевизор,

то вся ребятня двора бегала туда на просмотр мультфильмов. Об этом узнавали по громкой мультяшной музыке ну погоди, несущейся из открытых балконных дверей на втором этаже.

Там и вырос Иннокентий под ярким солнцем в донецких степях, раскинувшись на живописном крыже, спасибо Леониду Ильичу Брежневу за это счастливое детство. Чехов, бывавший в этих краях, назвал Донбасс донецкой Швейцарией. Писатель классик подлечивал здесь в сухом климате свою чахотку. Только потом он смог купить домик в Ялте и там боролся уже до конца дней со своим туберкулезом.

Мальчишеская стайка шастала украдкой по окрестным садам, ворюя абрикосы и черешню, вишни. Кешка был уверен, что фрукты есть только летом. И когда соседский мальчишка по фамилии Квач, среди снежной зимы, стал на улице аппетитно хрустеть свежим яблоком, он выпросил у него одно и до сих пор помнил вкус того яблока и того мальчишку.

Бегали многие километры на окрестные ставки, играли в ладу или салочки и было много немудрёных игр, плавали на брёвнах и плотках. С синими губами, стуча зубами и дрожа от холода, отогревались на тёплом берегу, под щедрым южным солнцем.

Зимние, осенние и весенние забавы шли отдельной строкой, но и тут ребятня не унывала. Ведь иногда снега не было до самого нового года.

Зимой Кешка всё время приходил замёрзший и весь с снегу с головы до ног. Ему очень хотелось сразу звйти домой, ведь он всегда возвращался на свой аэродром из последних сил на бредущем. Но его веником обметали на лестничной площадке. Снимали там же пальто и выколачивали его вне квартиры. Мама знала эти зимние забавы, ведь её детство было не за горами. И на все Кешкины зимние вопросы она проникновенно читала ему наизусть стих Сурикова про зиму. Оно наиболее полно отражало её детство, как и её не смышлёного сынишки.

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты переязбнешь, —

Руки не согнёшь, —
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца.

Уж в избу в окошко
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

Народ живущий пусть и в небольших, но горах Донецкого кряжа, очень харизматичный, имеющий вольный горский характер.

Но надо все же Иннокентию сказать читателям и всю правду до доньшка. Все сказанное прежде, это конечно очень трогательно звучит и правильные слова. Но в таком возрасте это все не сподвигло бы Иннокентия отрешиться от праздной лени, проведения свободного времени в интернете и взяться за написание книги о детстве в шестидесятых годах. Ведь для пожилых людей, одним из правил долгожительства является принцип, делать себе только приятное. И огорчать свой подтоптаный организм трудом книгопечатания уже не очень-то и хочется. Ведь это труд и труд не малый.

Ведь Иннокентий плохо стал видеть вблизи из-за развившейся дальнозоркости на одном глазу, а так-то второй глаз всегда плохо видел из-за астигматизма. Это было слабым местом всю жизнь. Иннокентий был близорук как носорог и если в упор его было не взять, то неприятельские действия издали ставили порой его в тупик. Бывали и досадные случаи попадания в нелепые ситуации.

Ну так вот, возьмём быка за рога. Патриарха однажды шокировал факт из разговора со своей невесткой. Они как-то обсуждали большие дела маленького внука и вдруг она заикнулась об обрезании. Мол фимоз придется лечить таким образом. Привела неутешительную статистику в США, что восемьдесят процентов малышей проходят через эту чуждую нам операцию. Пенсионер был просто в шоке. Про такую ересь они в родном поселке и слыхом не слыхивали. Родители даже не знали за хворь такую.

Старшие ребята учили мелких как избавляться от этой напасти, но видно прервалась связь поколений. Да и автор об этом вспомнил только когда вырвался из бешеной круговерти жизни на пенсию.

Он сам через это всё прошел. Внимайте потомки, может это кому-то поможет. Ведь как говорит та же медицинская статистика. Из ста операций, любых, две заканчиваются летальным исходом. По разным причинам. В той числе от аллергии и от ошибок медиков. И это не хохма что в больницах снижается смертность по выходным.

Рецепт лечения. Делается это так. Во время мочеиспускания пальцами зажимается выходное отверстие из капюшона, охватывающего головку писюнчика. Капюшон раздувается, естественно брызги во все стороны, но давление жидкости безболезненно отрывает понемногу врожденную спайку. Головка понемногу освобождается. Выглядит для шпанца почти как забава и конечно не за один раз, но достигается нужный результат.

Лично автор не помнит сколько раз он проводил такую вещь, десять или сто раз. Но все это абсолютно между делом, продолжая все это время жить своей насыщенной, дошкольной жизнью.

И еще. Ребята, уже оскомину набила сентенция, что размер имеет значение. Так вот и на этот случай старшие товарищи дали хороший совет. Пока растете, пацаны! Позаботьтесь о своих преимуществах в будущей любви!

Растягивайте женилку!

Глава 2. Прописано сердце по адресу детства.

В стране великанов. Первые два-три года.

Квартира семьи была для мальчишки до двух лет почти безопасным местом, его первой вселенной, и он всех любил в своей семье. Изредка и туда вторгались не добрые силы, очень пугающие мальчонку. Но природный оптимизм и жажда жизни, заложенная поколениями удачливых и сильных предков, заставляла выдерживать всё и приспосабливаться ко всему. Это была его данность, он не знал, что может быть как-то по-другому.

Солнечный свет, льющийся из окон, ласковая Мама, балующая мальчика вкусняшками из магазина и огромное любопытство к неизвестному окружающему миру. Вот что было основой всей его маленького мирка.

В окно он видел окружающий мир, как ходят туда-сюда люди, сидят на лавках и оживлённо что-то обсуждают. Один раз он видел, как его Отец дерётся прямо пред окном с соседом бондарем со второго этажа. Малец ну ни капли не сомневался в победе родителя над часто пьющим соседом. Конечно, он волновался немного, видя, как взрослые мужики яростно орут и машут кулаками.

Так-то сосед был вроде бы безобидный, пока не выпьет. Жил он одиноко, лишь один раз у него гостил сын. Внешность у него была характерная, был он похож на певца Гнатюка, как и его отпрыск. В своём большом сарае у него было много гнутых дощечек для стен бочек, металлических обручей. Кешка иногда с удивлением наблюдал как рождаются огромные деревянные цистерны для засолки овощей.

Но у Кешкиных родителей подвала в сарае не было. Да и потом, когда его построили, солили всё в трёхлитровых стеклянных банках. Но к тому времени этот сосед уже куда-то исчез, вместе со своим ремеслом. Изредка жильцы в квартирах менялись и это всегда было большим событием для Кешки. Вдруг, вместо давно привычных людей появлялись новенькие и в этом было что-то противоестественное. Менялся миропорядок, его двенадцатая, по количеству квартир, часть. Ненамного, но неожиданно и всегда не предсказуемо.

Помнил Кешка как бегал он по квартире в одной рубашонке, и Мама называла его безштанишная команда и стрекулёк. В квартире было центральное отопление, но в кухне стояла угольная печь, на которой Мама готовила еду.

В углу зала стоял высокий фикус с большими гладкими листьями и не раскладной одинарный диван с высокой спинкой. Много позже появился небольшой черно белый телевизор, стоявший на табурете с чемоданом. А так была одна радиола, из которой лилась музыка. У многих и такого счастья не было, поэтому на крыше клуба был установлен большой колокол громкоговоритель и на весь посёлок транслировалась музыкальная программа. Орало так, что на весь посёлок хватало, в километре люди четко различали слова песен.

Для спанья были железные кровати с пружинной сеткой, которые протравливали вонючим и страшно ядовитым дустом, дабы уничтожить клопов, врагов человеческих. В спальне стояли кровать и большой столярный стол со скатертью, шифоньер с одеждой. На столе стопками лежали тетради и учебники старшей сестры, там она делала школьные уроки. Под потолком в зале висел оранжевый шёлковый китайский абажур с узорами и бахромой. Разная мебель стала появляться в квартире, когда Отец престал часто пить и больше времени стал проводить с семьёй.

Громадный дощатый сундук с крышкой на петлях и с тряпками внутри стоял в кладовке. По ночам кладовка становилась аномальным местом, в котором концентрировался бабайка. Поэтому Кешка не любил спать в той комнате. Днём же сундук был для детворы то бриганти-

ной, то танком, то подводной лодкой, а то и целым домом. Кешка с друзьями часто тусили друг у друга в квартирах.

Документально можно было датировать события детства Кешки по отдельным деталям. Вот фото, на котором ему было не больше года. На лице застыло страдальческое выражение, в руках кассета от фотоплёнки.

Кешка прекрасно помнил тот момент, когда он гулял на улице возле дома, возле его юго-восточного угла. А Отец позвал своего знакомого с фотоаппаратом, а Кешке стало страшно. Какой-то большой дядька с неизвестным орудием в руках приближался к нему и что-то хотел сделать. Явно ведь примеряется, поудобнее подбирается к мальчишке. А чего хорошего можно ждать от чужих и вооружённых незнакомцев? Инстинкт и небольшой жизненный опыт подсказывали мальцу, что надо остерегаться подвоха.

Отцу стоило немалых усилий успокоить малыша, а незнакомый громила вынул из кармана что там у него нашлось и через отца вручил обеспокоенному ребёнку. Лишь тогда ему удалось пробраться в личное пространство маленького человека и сделать памятный снимок в полный рост и в нужном масштабе.

Следующий момент тоже показывал размеры человечка. Кешка помнил, как они сидели в прямоугольном оцинкованном корыте для стирки, свободно как в ринге в разных концах, со своей старшей сестрой, которая была старше на семь лет. А корыто было длиной максимум метр двадцать. Вода в нём была розовой от марганцовки и её запах, и вкус он помнит до сих пор. Мама не сильно заморачивалась разнополостью своих замурзанных шпанцов и мыла обоих за один мах. И правильно делала, пикантные детали анатомии человека тогда совершенно не интересовали Кешку. В памяти ничего об этом не сохранилось.

Отсутствие нужных гормонов потом ещё не раз подводило парнишку в подобных ситуациях. Уже взрослый Иннокентий с легкой досадой и улыбкой вспоминал детские шалости, когда молодой волчонок равнодушно обнюхивал мясо, но хотел лишь материнского молока. Нельзя было также исключить тот вариант, что гены, переданные матерью, были большей частью прибалтийско-скандинавские. А о невозмутимости данных народов ходят легенды.

А надо сказать, что материнскую грудь Кешка сосал до двух лет и отучили его от неё только намазав соски перцем. Сам процесс питания в памяти не сохранился, что говорит об избирательности памяти. Осталась в памяти только первая горькая обида на ближайших родственников, которую Кешка переживал, спрятавшись под круглым столом. Туда он забрался чтобы сдержать первый удар от коварного женского пола.

Дело это нехорошее произошло в гостях у дяди Коли и тети Лиды, она и научила Маму Кешки такому фокусу.

В окно из безопасного дома смотреть было тоже интересно, пока мальчонка не стал уверенно перемещаться в пространстве квартиры. Он уже знал все углы родного, упорядоченного до мелочей и покровительствующего ему жилища.

Но всё менялось едва он выходил из больших и высоких дверей квартиры, как из крепостных ворот. Здесь его ждал новый, не изведанный ещё мир со всеми своими опасностями и первобытным хаосом. Буквально в метре от своих входных дверей из ДСП он головой врезался в, наклонно выступающий далеко на лестничную площадку, деревянный поручень, прибитый к металлическим ограждениям лестницы. Строители не стали его обрезать вровень с самим решётчатым ограждением из металлических прутьев, и он отловил на высоте полметра маленького человечка. Это было очень больно и Кешка помнит своё первое горе. Отец услышал рёв и ножовкой восстановил проектные нормы. Больше поперёк дороги ничего не торчало.

В полутёмном коридоре тихо бывало редко, разве что ночью. Обычно пахло холодным сырым бетоном и мокрой пылью. По сухим бетонным лестницам часто виднелись мокрые пятна. Напор водопроводной воды обычно был слабым и люди набирали воду в вёдра на первом этаже, в загородке у входа. А потом бодро тащили плескавшуюся в емкостях жидкость

в свои более высотные жилища. Набрать воду надо было ещё и успеть, так как водопровод наполнялся лишь на несколько часов. К крану люди выстраивались в очередь и здесь заодно общались, в основном, звонкими женскими голосами.

Женщины были все молодые, языкатые, с удовольствием обменивающиеся информацией. Грохот пустых вёдер, звук струящейся воды и перекликающиеся голоса до сих пор эхом разносятся по лестницам, проникают через тонкие двери в квартиры. Так бьётся живое сердце дома-башни. Бывало с водой и много хуже, она не поднималась даже на первый этаж. И тогда жильцы дома-башни шли в соседние длинные дома, где были подвалы, туда вода ещё поступала. Посёлок был построен на холме, а скважина с насосами находилась в далёкой балке и была много ниже уровня земли в посёлке. В каждом подвале обязательно существовал разборный кран, и там местные жильцы принимали в очередь соседей с гремящей посудой. Маршрут к своей квартире с заветным грузом удлинялся в несколько раз.

Следующая сложность для Кешки, после уврачивания от спешащих успеть набрать жидкости водоносов с вёдрами, оказалась ступеньками, четыре штуки, по которым надо было спуститься с лестничной площадки первого этажа до уровня земли. Они были просто огромные для шпендика, а перил тут уже не было. Только гладкие стены по бокам, для взрослых здесь не было никакой проблемы. А вот Кешка сползал по ним боком, приликая обеими ладошками к крашенной масляной краской оштукатуренной панели. Эти огромные серые ступени всплывали в памяти Иннокентия и резко контрастировали с тем, что он запомнил уже взрослым. Эти две картинки сильно не бились между собой.

Это было страшно очень и рискованно, но мальчишка ни разу не кувыркнулся вниз по бетонным и с щербатыми неровностями ступенькам. Но переживаемые при этом эмоции крепко отпечатали в памяти это преодоление последнего препятствия на пути на волю. Зато с каждым маленьким шажком он из прохладного полумрака лестницы приближался к распахнутой двери, из которой лилось щедрым потоком солнце. Слышались детские и птичьи голоса, залетали порывы сухого и тёплого ветерка.

Дом был приспособлен для гигантов взрослых и малышам было временами сложно. Да и самих незнакомых великанов на улице приходилось побаиваться, но невольно приходилось полагаться на их порядочность. При встрече с незнакомцем приходилось задирать головёнку и пытливо смотреть в глаза Гулливерам. Отсюда и происходит желание маленьких быстрее вырасти и стать такими же сильными и всемогущими.

Поэтому малышня сбивалась в стайки и старалась держаться кучно. Они вместе осваивали окружающую реальность, с каждым днём становясь всё смелее и опытнее.

Ну а спустя месяцы они и вовсе становились уже шустрými мелкими человекоподобными, которых уже не так-то просто было догнать и обидеть.

Кешка был обычным мальчишкой, появившимся в шахтерском поселке городского типа, и ничем он не отличался от оравы кричащих, неудержимо несущихся со всех ног по своим делам, с горящими глазами, сорванцов. Не всегда их забавы были невинны, ведь росли они не рядом с консерваторией.

Надо сказать пару слов об основных декорациях, в которых происходили главные события. Главным объектом и центром событий был трехэтажный, одно подъездный жилой дом на двенадцать квартир. Во дворе обязательно был стол для домино, окруженный скамейками. В те времена не было не только интернета, но и телевизоров. Кешка помнил поочередно два таких стола. Сначала под окнами у соседей, а потом уже и под своими окнами.

В кварталах, дома располагались по периметру квадратов, а в середине квадратов были обширные пустые пространства для общественных нужд. Только в соседних длинных домах, несправедливо и на зависть, были обширные подвалы с угольными сараями, которые Кешка с ребятней облазил все. Бегали в догонялки друг за другом, ныряя в уличные люки для засыпки угля и пролетев по страшному и тёмному подвалу, взбегали наверх по бетонной лестнице и

выскакивали в подъезде дома. Ни разу страшный бабайка, живущий во мраке подвала, не смог Кешку догнать. В Кешкиной башне, к большому сожалению, таких подвалов не было.

А метрах в пятнадцати от стен зданий внутренним квартальным каре расположились деревянные сараи, для хранения угля и вещей. Это было особенное место для мужиков, как гараж. Они там часто что-то ковырялись.

Отец Пеле имел высокую голубятню. Над сараем возвышалась дощатая коробка жилища пернатых, объёмом в восемь кубометров. Здесь Кешка впоследствии научился отличать сизарей от дутиков. Много есть на самом деле разных пород домашних птиц. С особым шиком летящих питомцев звали домой пронзительно свистнув. Для этого в рот засовывались два пальца. Тогда довольный хозяин наблюдал как из небесной выси спускаются белоснежные Божьи создания. Кешка так и не освоил эту молодецкую технику. В этом квартале была ещё одна голубятня и туда Кешка тоже лазил. Там хозяйничал подросток с интересным разрезом глаз и высокими бровями.

С годами все деревянные сооружения стали каменными кухнями. Бегать по крышам сараев летом и прыгать с них в сугробы зимой, было огромным удовольствием для ребяташек. Позади сарая бондаря был полузаглублённый подвал, торчал горбом из земли. Зимой он служил горкой, а летом с него было не высоко залазить на крыши. Взрослые, конечно, как могли пресекали эти поползновения, ведь чинить рубероидные кровли приходилось им. Их ругань носил ветер, а шпанцов было не поймать.

Внутри каре из сараев было футбольное поле и даже ворота типовые, одна штука точно была. Пацаны играли и Кешке запомнилось как будущий местный авторитет Андрей подростком стоял на воротах. Нападающий в упор пробил в ворота и оба раза попал в стоячего вратаря. Голкипер был немного контужен серией отражённых мячей.

Кешка родился вскоре после полёта Гагарина в космос и это отразилось и в его жизни. В домах через футбольное поле жил подросток по фамилии Комаров. И вот он вытащил на футбольное поле модель ракеты, длиной до метра. Кешка наблюдал с другой стороны поля и поэтому всех деталей устройства не видел. Но ракета формой была такая, как рисовали в фантастических книжках.

И ведь запуск состоялся! К большому восторгу всех присутствующих. Ракета с шумом взмыла довольно высоко в небо, оставляя за собой короткий огненный след. Упала она не очень далеко от места старта. Это было знаковое событие в жизни мальчика. Космос то оказывается был рядом и всё дело было только в наших умелых руках.

Весной на всём футбольном поле образовывалось море разливанное и Кешка любил там побродить в резиновых сапогах, выжывая разный хлам.

Настоящий новый год для Кешки начинался где-то в прохладном апреле. Только лишь устанавливалась солнечная погода и дома шпанцов было не удержать. Дом находился на краю квартала и дальше на север простилались бескрайние степи, над которыми, в бесконечном голубом небе, как гимн солнцу, звучала весенняя песнь жаворонка.

Это уже потом, через четверть века, через дорогу настроили домов и наконец немного защитили дом Кешки от сильных и длительных, и конечно холодных ветров. Бывали даже пыльные бури, суховеи. В детстве Кешка об этом немного, без фанатизма, мечтал. Поселок советские строители расположили на равнине и ветра уносили всякую воздушную инфекцию и токсины, выделяющиеся при гниении отходов, и всякие разные миазмы, прочь. Но вот колодцев с водой там не было, далеко до водоносных пластов. Да и их и подрезала строящаяся шахта.

Старые же местные села все находились в лощинах, низинах. На южных сторонах крутых холмов, защищающих от ледяного северного норда. В засушливых донских степях этому научила сама жизнь. От безводья они не страдали.

Не особо страдал и организм Кешки, созданный в вольных донских степях, залитых ярким и жарким солнцем. Лишь в девяностых безводье стало определяющим удушающим фактором.

Рядом с первым ставком был огромный и старый вишнёвый и яблочный сад, в котором в раннем детстве Кешка побывал с Отцом. Это было таинственное и волшебное царство фруктов. Огромные кудрявые вишни, немного похожие на ивы, стояли не так густо и между ними была земля, поросшая высокой травой и хорошо освещаемая солнцем.

Деревья, густо украшенные тёмно-зелёной листвой и среди неё сверкают под ласковыми лучами огромные, просвечивающиеся на ярком солнце, ярко красные ягоды. Мальчишка хватал вишни маленькими пальчиками и с наслаждением отправлял их в себя. Вкус изумительнейшего сока он отчётливо помнил и спустя десятки лет.

Если же зайти с главного входа, где заезжали грузовики, то тут всё выглядело намного иначе.

Перед тобой был волшебный лес. Огромные яблони почти сомкнули свои кроны и здесь царил полумрак. Человек погружался в особый мир, напоенный ароматом спелых плодов, прелой листвы. Особую нотку в этот коктейль запахов вносили подгнившие яблоки, осыпавшиеся на землю и возвращавшиеся к природе. Тут было очень тихо и не слышалось обычного степного ветерка. Сад охранялся и это определяло его безлюдье. Ощущение опасности от невидимых стражников этого царства добавляло сказочности и таинственности.

Казалось, что где-то здесь в этом ароматном и опасном королевстве, стоит зачарованный пряничный домик, в котором прячется вкусное детское счастье. А его охраняют строгие эльфы, которые очень редко отпускают его к изнывающим без вкусовости детишкам.

И вот Кешка идёт рядом с Отцом, робко держась за его руку. Он как маленький хоббит рядом с могучим богатырём следует по опасной дороге, ведущей к непредсказуемым и отчуждённым эльфам. Посетителям надо было провести с этими властными охранниками межгосударственные переговоры, чтобы им разрешили властители немного попользоваться маленьким кусочком детского счастья.

Его так не хватало в человеческом селении, стоящем в чистом поле на семи ветрах. В его каменных башнях томились без фруктов маленькие люди. Но не всегда, даже в сказках, всё заканчивается как надо. Иногда слуги дракона неприступны и приходится возвращаться в своё беспокойное царство с пустыми руками.

Прямо к дому крепости Кешки подходила лесопосадка и в ней пацанята знали каждое дерево. Залазили практически на каждое. Было несколько любимых, высоких и тонких. Если залезть на такое почти до вершины, то оно вдруг плавно наклонялось до самой земли. Это был захватывающий момент, бесплатный аттракцион.

Вечером, придя домой мальцы обнаруживали на своих плечах и верхней половине тел извилистые воспалённые красные полосы. Если приглядеться, то состояли они из двух рядов следов лапок гусениц. Эти мохнатые сороконожки успевали ползти под рубашонками детишек, пока те были увлечены своими играми. Их было множество на листьях, ветвях, стволах деревьев. Лазили они и по земле и если попадались их судорожно передвигающиеся черви на тропе, то сандалик обязательно вершил судьбу зловредного насекомого.

Деревья всегда для Кешки и его друзей были большие. Они росли вместе с ними. На детской же фотографии было видно, что зеленые насаждения тогда были лишь чуть выше взрослого мужчины. Для мелюзги же это был дремучий лес.

Снег сходил всегда после 15 марта. Это Кешка хорошо помнил. Ему конечно хотелось чтобы признаки зимы ушли до его дня рождения, но такое случалось крайне редко.

Сначала на голых тополях, которыми в основном был обсажен двор, появлялись сережки. Потом эти клейкие колпачки листьев обсыпались на землю и липли к обуви, к колесам велоси-

педов. Потом появлялся зелёный пушок молодой листвы и тогда во дворе никогда не смолкал детский гомон.

Кешка помнит волшебный май, когда в воздухе летала и кружилась целая армия майских жуков. В каждом кубометре воздуха было не менее пяти отливающих изумрудом насекомых. Такого никогда, ни до, ни после, не бывало. Плодились в то время и гусеницы, которые с удовольствием жрали дубовые листья. Их приходилось травить жидкой отравой, чтобы спасти молодые лесонасаждения. Вдоль посадок ездил трактор с прицепленной цистерной и опрыскивал вредителей голубоватым гелем. Детям запрещали заходить в отравленные лесополосы, но Кешка с друзьями всё равно бродил в воняющих ДДТ зарослях. С листьев ещё капала тягучая фиолетовая ядовитая жидкость.

Но май на май не приходится. В один год в мае вернулась зима. Уже в посадке выросли большие дубовые листья, травка зеленела всюю и вдруг выпал снег. Сантиметров десять толщиной укрыл землю и деревья. Кешка ходил по посадке и наслаждался когнитивным диссонансом. Если по-простому, то офигевал от такой смены парадигмы. Белый снег на зелёной листве. Такое было редкостью в этих краях.

Вспоминалась ранняя Пасха. Все бегали с крашенными варёными яйцами и соревновались чьё крепче. Всех побеждал какой-то левый пацан с жёлтым яйцом. Он забрал себе все побеждённые им яйца. А потом кто-то сообщил побеждённым, что яйцо у того деревянное. Но это в самом деле была хорошо обработанная деревяшка, ни за что не заподозришь. Стоило, наверное, за обман накостылять прощелыге по шее, но малолетки были совсем маленькие и ещё не обладали чувством развитой справедливости и гневом возмездия. Да и обманщик был старше их на пару лет, да и исчез он так же внезапно, как и появился. Ай-я-яй, в такой праздник обмишулил столько маленьких христиан.

Очень в одно время все озаботились солнечным затмением, это было прямо ну очень ожидаемое событие. Все готовились. Кешке тогда объяснили, что на солнце и сварку смотреть нельзя просто так. Надо глаза защищать. И вот пацаны жгли чёрную резину и коптили куски стекла до черноты. Только тогда все пялились через стёклышки на небо. Сам результат мальчика не впечатлил, затмение кажется, было не полным. Всё вышло не по Чуковскому, крокодил солнца в небе не проглотил.

Несмотря на то, что было еще даже очень прохладно, без конца играли на асфальте в расчерченные мелом «классики», каликало, двенадцать палочек, испорченный телефон, море волнуется раз, штендер, выбивного, казаки-разбойники, свинопаса, ножички. Игр с мячом было очень много. Играли и в домино, шашки и даже шахматы были в почёте, в карты также резались. В дурака, пьяницу и прочее невинное.

Но вот в буру и секу Кешка не играл, и в те компании старался не попадать. Отец предупредил его об опасности подобных игр в карты и особо о карточных долгах. В этом мире так много не очевидных опасностей и одна из них это, злонамеренные люди. Как правило такие люди чаще объединяются для нападения, чем добропорядочные для отпора им. Зло не дремлет и надо стараться чтобы в трудную минуту тебя было кому поддержать.

Лавочки у подъезда и у сараев были важной частью и центром концентрации детей. Кусок тротуара шириной до двух метров и ограниченный бордюрами как бы из красного кирпича был важной частью игр. В первую очередь классиков. Там прыгали на одной ножке подталкивая свой плоский камешек из одного квадрата в другой. Прогресс в этой игре был очень интересен и важен, как прохождение уровней в кибер играх.

Много играли в выбивного. Два на два человека и мяч. Напарники становились на расстоянии метров десяти, друг от друга, и старались попасть во вторую пару, которая крутилась посередине между бросателями. Уклонявшиеся от попадания мяча проявляли реакцию, изворотливость, а порой и хитрость. Очень полезная игра по развитию боевых навыков. После попадания мячом пары менялись местами. Всем нравилось всячески изворачиваться от ударов

резинового мячика. Бросатели же развивали свой охотничий инстинкт, меткость, поражали добычу, тоже свой азарт в этом был.

Помнится, как детвора дурила и прыгала под тёплым дождём в летнюю грозу. Небо заволкло тёмно-синими тучами с просветами, грянул гром и молния и посыпался ливень. Маленькие дурачки, не боящиеся молнии, были в восторге и исполняли танец мокрых гамадрилов, напевая дурацкий и противоречивый стишок. «Дождик, дождик припусти мы поедем на кусты, Богу молиться, чёрту поклониться» Слава Богу грозная стихия их миновала. Кругом были высокие деревья и дома. Как мало детворе надо было чтобы найти повод повеселиться.

Падающие на тебя капли холодного дождя, намокшая одежда, запах прибитой к земле пыли, смолистый запах молодой тополиной листвы. Мокрые сандалии, которыми прыгали по лужам и летящие во все стороны от этого брызги. Шорох капель по листве деревьев и вдруг резкий раскат оглушительного грома, ослепляющая вспышка молнии. Весёлые, в унисон, вопли пугающейся ребятни, круглые глаза взрослых, прячущихся от разгула стихии в подъезде. Это был праздник непослушания взрослым правилам, торжество и победа над собственным страхом в большой, бесящейся, в прямом смысле слова, под ливнем компании удалых мальцов.

Всю гамму этих чувств, дикий кураж, Кешка запомнил на всю свою жизнь. Все эти весенние запахи, обострённые свежей водой и озоном от молний. Акустические удары, бьющие кувалдой по ушам, от которых инстинктивно втягивается голова в плечи и хочется пригнуться. Но ты орёшь, несёшься по мокрому асфальту, приплясывая с друзьями в языческом танце, сливаясь с дикими и страшными силами в одно целое. Так, наверное, древние люди задабривали злых духов, старались стать такими же сильными и грозными. И ты, маленький сорванец, становишься частью необузданных сил природы, присоединяешься к сумасшедшему буйству ветра, воды, энергетических разрядов неимоверной силы, сотрясающих всё вокруг.

Была у шпанят ещё одна не явная потребность, жевать строительный битум, было очень интересно. В жару он вытаивал сквозь землю возле здания подстанции. Видно, лежала там куча материала для гидроизоляции фундамента при строительстве этого сооружения, а потом бульдозером всю местность вокруг выровняли при сдаче в эксплуатацию. И вот под жарким солнцем пацаны сидят на корточках на ровном месте, возле месторождения чёрной вязкой массы и выковыривают себе куски почище для своих потребностей.

Часть битума идёт для ловли пауков в их затянутых паутиной норах. Инстинктивно страшно выуживать крупное и ядовитое насекомое из глубокой темноты. Но зато потом минута торжества охотника над чудовищем намертво прилипшем своими лапками как к чупа чюпсу, к чёрному комку на палочке. Страшный хищник повержен и родные степи становятся немного безопасней.

Скакалка запомнилась по присказке, которую в такт прыжкам тараторили двое крутящих. «Раз, Тарас, подушка, матрас, куколка, балетница, выбражуля, сплетница, царь, царица, красная девица, по полю гуляла, ключик потеряла, ключик не простой ключик золотой». Говорилка была длинней, но не запомнилась вся. Кто на каком слове ошибался, тот и был Тарасом или выбражулей. Это тоже веселило. Потом, когда место попрыгуньи освободилось, говорился ещё стишок. «Опа, опа, Америка, Европа, Индия, Китай, Лина залетай». И надо было именно под последнее слово залетай запрыгнуть в скакалку.

Много было всяких разговорков, игр. Даже сейчас, через десятилетия, Кешка помнил этот таинственный шёпот. Тогда эти дурацкие стишки казались ему таинственными заклинаниями.

«Кони-кони-кони, сидели на балконе. Чай пили, чашки били, по турецки говорили: "Чаби - челяби - челяби - чаби - чаби". Мы набрали в рот воды и сказали всем "замри". А кто первый отомрет - тот получит шишку в лоб, тик-так, тик-так, кто собьётся тот дурак».

К чему это относилось Кешка не мог уже точно вспомнить. Но эти складные стишки тогда казались верхом магии и ведь не каждый ещё мог их и запомнить. В основном с «закля-

тремя» колдовали девочки. Они от природы немного умнее мальчишек и способнее ко всяким хитроумностям.

В доме дети четко делились на возрастные группы. В старшую входила Кешкина сестра, сестра Пеле, сестра Шиши, брат Шиши, Брат Лины. Это были почти подростки, небожители. Они с мелюзгой общались мало. В их компаниях были свои непонятные противоречия, свои приколы и запомнились они Кешке мало.

Сестра у Кешки, конечно, была в приоритете. Она многому его научила, защищала от неприятностей, которые ждали мальчика во дворе. Научила она младшего брата и чувству юмора. Как-то она заявила родителям, что у Кешки нет этого самого чувства. Анекдот ему расскажешь, а он не смеётся. И призадумался тут мальчонка, начал анализировать этот вид народного творчества, самостоятельно вручную въезжать в темы анекдотов. Понял парадоксальность ситуаций и почему эти смысловые комбинации достойны его детского чистого смеха, который он дарил до этого только жизненным приключениям при играх с друзьями. Всё-таки интересно, когда процесс познания мира запоминается.

Потом шел основной пул Кешкиных друзей. В таком возрасте год или даже пол-года имели значение. Те, кто постарше, были поумнее, пошустрее и игры выбирали посложнее.

Верховодил довольно долго Пеле, он был старше основной массы детворы почти на два года. Кешка помнил, как Пеле сплавивал свою команду. Мальчишки встали в круг и под девизом «ссы в одно море-не будет горя», дружно образовали лужу в закоулке за сараями. Потом шли героические вообще вещи, он учил мальцов не брезговать своими экскрементами. И в свеже отложенную коричневую кучку сунул палец.

Но полностью постичь учение мастера под офигевшие пацанята, надо признать, так и не смогли. Эта хохма оказалось им не под силу. Своего лидера они, конечно, уважали и даже вякнуть против данной ереси никто не отважился. Но тут Кешка почувствовал, что значит перегнуть палку. Инстинктивное отвращение ко всяким извращениям связанных с фекалиями помогло вырасти поколению более здоровым нравственно.

Кроме всего прочего Пеле ещё и редактировал речевой акцент мальцов. Вместо твёрдого «Г» надо было произносить, согласно местному говору, почти «Хе». У немцев-то не Генрих Гейне, а Хенрих Хейне. Ну и поэзию заучивали соответствующую, как сейчас помнит Кешка на лестничной площадке третьего этажа.

«Гуси гогочут, город горит, гадкая гадость на Г говорит».

Но тогда о немецких поэтах ещё никто не знал и всё происходящее проистекало из не установленных источников. Но мальчикам этот опус зашёл и Кешка даже продекламировал сие произведение переглянувшимся родителям. Почему-то малец любил информировать о своих успехах Папу с Мамой. И иногда они производители коррекцию курса сына, а иногда и нет.

С большим энтузиазмом и радостью распевали детские около блатные песенки. За точность текста ручаться нельзя.

«-Ехал поезд номер десять прямо на Москву, я лежу на верхней полке и как будто сплю.

Приключение кончаю лезу в чемодан, чемодан сорвался с полки и какого-то болвана по башке задел.

Десять рук меня схватили начали казнить, кто кричит бросай в окошко, кто кричит убить.

Бросили меня в окошко прямо под откос, поломал я руки ноги, поцарапал нос.

Гадом буду не забуду этот паравоз, как поймаю разломаю с крыши до колёс.»

Ну и обязательно про цыплёнка жареного.

«-Цыплёнок жареный. Цыплёнок пареный, цыплёнок тоже хочет жить.

Его поймали, арестовали, велели паспортр покахать.

Паспорта нету, садись в карету, карет нет -садись в тюрьму.

Тюрьма закрыта, дерьмом забита.»

Из песни слова не выкинешь, и раз ранее была затронута такая вроде бы деликатная тема, то продолжим её, немало не сомневаясь в её важности и естественности. Мальцы иногда дистанционно изучали содержимое, выделившееся из них после сидения без шортиков в кустах. И не зря, это, кстати, сейчас настоятельно советуют делать доктора с экранов телевизоров и мониторов. Так как у многих были глисты от подножного корма и слабой гигиены. И мальцы деловито делились такими советами между собой и результатами наблюдений, соответственно с родителями. Для медицинского диагноза не надо было лабораторных исследований, так как на глаз было видно копошащихся белых червячков. Фу, вот какая гадость! Да ну её в болото.

А совместно справиться естественную нужду было делом компанейским. Кешка с Пижоном облюбовали сломанный дубок, ствол которого был практически горизонтальным. Получился отличный насест в полутора метрах от земли. И результаты наземной бомбардировки химически активными отходами не отравляли обоняние и было прикольно. Условно такое мероприятие обозначалось, как веселившее детвору, «тык-тык, пум». Что имитировало звуки падения выделений с такой высоты.

Отправление нужд было важной частью всех мероприятий шпанят, из этого они сделали весёлый ритуал. То, что дома на унитазах отдавало какой-то принуждённостью в стеснённых обстоятельствах, на природе приобретало некоторую изысканность, открывался даже полёт души при облегчении тела. Думается что у человекоподобных, живущих в тёплых джунглях было что-то подобное.

Это было нормально, ведь когда они пошли в школу, то там для всей детворы был сортир на улице типа ЭМ и Жо, с длинным рядом не стерильных отверстий и ядрёным запахом. На туалетах страна экономила, тогда был сложный внешнеполитический период. В больших городах он так и не закончился, к сожалению. Так что экологически чистый насест на свежем воздухе был скорее роскошью.

Яркие моменты в своей маленькой жизни Кешка очень хорошо помнил. А вот кто конкретно из старших пацанов научил мальчика пойти домой и сказать матери нехорошее слово, он не запомнил. Помнил только как Мама выпросила маленького хулигана обо всем и тактично объяснила, что можно, а что нельзя. Как хорошо, что так много из своей жизни и жизни родни отложилось в памяти. Иногда можно почти с головой уйти в мир своих воспоминаний, заново переживать все обстоятельства приятных моментов происходившего. Это возрождает в душе светлый настрой милого детства без машины времени.

Вы будете смеяться, но Кешка помнил и анекдотичное, как совсем маленьким с Мамкой в баню ходил, естественно в женское отделение. Большая общественная баня с монолитными подмрамор лавками, оцинкованными шайками. Ничего интересного он не помнил, так, розовые пятна, жара. Но особенно не понравился душ. Кешка не умел там, в струях воды, дышать и задыхался, а может так плохо было при посещении парилки. Скорее, инстинкт подсказывал мальцу что он тонет. Процедура оказалась мучительная.

Там же недалеко была парикмахерская и парикмахершу с её жужжащей машинкой Кешка хорошо помнил. После таких процедур во дворе все кричали.

-Лысая башка, дай пирожка!

Зато в летнюю жару родители придумывали приятные водные занятия. Но было это, видимо, только в очень знойное лето. Жарким днём во дворе появлялись корыта, наполненные чистой водой и Кешка тоже голышом сидел и прохлаждался в своей домашней ёмкости. Детвора подбегали чтобы посмотреть на обнажёнку, но мальчишка ладошками плескал в них тучу брызг и те с весёлым визгом отскакивали. Ребятам только этого и не хватало, освежающего душа в жаркую и засушливую степную погоду. Очень душевная история, прямо кусочек радостного счастья, в светлый солнечный день, в тени высоких деревьев, прямо под окнами квартиры.

Глава 3. Солнечный круг

Что такое семейное счастье? Разное ли оно на самом деле? Говорят, там где лад, там и клад. У родителей счастье одно. И тут можно на эту тему исписать сто страниц, а у Кешки семейное счастье было не очень сложным. Он был счастлив, когда родители не ругались, когда в семье был мир и воюющие стороны наконец поворачивались к детям своим добрым лицом.

Да, было ещё очень хорошо, когда ездили в гости к родственникам. Это было для Кешки приключением и наверное, большим куском этого самого счастья.

Но был ещё в некоторых семьях неиспытанный Кешкой ранее опыт. Ему тоже немного хотелось съездить на море. Правда он, живя в причерноморских степях, в которых летом так же тепло и солнечно как на известных курортах, не совсем понимал, зачем надо ездить на побережье большого и солёного водоёма.

Хотелось конечно, просто разик, одним глазком посмотреть на пресловутое море и понять в чём тут дело. Но выбирать не приходилось и Кешка каждый год ехал туда, где всё отличается от родных степей.

Пузик, из соседнего дома, в общем-то не плохой парень, привёз как-то из поездки домой морскую воду в пластиковой бутылке. И, зная, что прикоснуться к водам мирового океана хочется многим, вынес это чудо во двор. Многие воспользовались его добротой и Кешка тоже продегустировал знаменитый субстрат. Набрал в рот горько солёной жидкости, приобщился к мировой культуре как мог. После этой пробы, спасибо Пузику, ехать на моря хотеться стало поменьше.

Ни Кешка ни Сестра никогда не просили родителей о маленькой голубой мечте. Можно сказать, что избалованы они сильно не были. Кешка даже с Сестрой это не обсуждал и не знал как она к этому относится, но был уверен, что положительно. Нет, ну кто не хочет на море? Но дети молчали, подозревая что денег на всё не хватит, а родителям важнее погостить там, где им рады.

Ну так к чему все эти пространные разговоры? Кешке хотелось поделиться с Вами одним днём своего счастья. Ему тогда казалось, что это не хуже, чем поездка на курорт. И не надо иронизировать над маленьким мальчиком. Для него это действительно было так.

Семья решила вся вместе провести пикник на Первом ставке. Если кому-то море больше нравится, то возьмите на став пачку соли и растворите её в воде. Шутка, конечно.

Это было одно из первых посещений Первого става Кешкой, ведь он тогда был ещё очень мал. Это потом стайки дворовых мальчишек сами бегали в такую даль.

Сборы были не долги. Предварительно сходили и купили полную тарку, металлический бидончик с крышкой на три литра, вкусного бочкового кваса. Жёлтая бочка с чудесным напитком часто стояла в центре посёлка. Взяли с собой покрывало, чтобы на нём лежать, кое-что перекусить на свежем воздухе.

И вот семья не спешно пошла по родной улице, в тени деревьев. Возле школы свернули на тропку, идущую наискосок через огороды. Кешка хорошо помнит все извилины этой тропы, почти грунтовой дороги. Тогда на месте базы механизации было поле, за которым шёл квартал одноэтажных домов на два хозяина. Потом шли по тротуару вдоль этого квартала вниз, рядом шло асфальтированное шоссе, ведущее на новую шахту.

Оно поворачивало на запад под прямым углом, а маленький отряд продолжил путь на север по посадкам. Вдоль полей и фруктового сада. Иногда тропу пересекали стальные наземные водопроводы, ручей в ложбинке. Наконец тропа сворачивала и шла по краю ещё не глубокого оврага, образующего ниже по течению цепь ставков.

Окрестности были очень живописны и радовали детский глаз. Да даже утрамбованная сотнями ног блестящая лента из чёрной земли, тропа, вся потрескавшаяся от жары в при-

чудливый узор, как кожа длиннющего змея была приятна маленькой душе. Иногда пацаны выковыривали в таких тропах, но не здесь конечно же, тут было и без этого чем заняться, большие площади этих окаменевших кусочков суглинистой почвы. Они легко вынимались одинаковой толщины, как природная брусчатка. Конечно, такое занятие было интересным для совсем малышей, которым лишь бы копошиться с чем ни будь.

В тот раз семья не пошла на мыс с пляжем, не стала форсировать заливчик через тропу с глубокими следами, в засохшей грязи. Оно и понятно. На мысе тусила в основном орущая, многочисленная, беспокойная, без конца купающаяся детвора.

Этот заливчик всегда привлекал внимание Кешки. Была в нём тропическая экзотичность. С одной стороны залива высились скалистые отроги мыса. Что создавало атмосферу горных хребтов, а сам залив по берегу был заросшим не высокими, но раскидистыми деревцами. При известной фантазии можно было представить себе мангровые заросли. В солнечный день игра теней на воде и извилистой причудливой тропе вокруг лагуны создавала картину партизанских троп в джунглях Вьетнама. В общем нигде больше в округе такого загадочного уголка не было.

Днём там было почти мило, но в мутной воде между коряг вполне мог обрестаться водяной. Ментально нечистое место.

Это место напоминало эпизод из фильма «Айболит 66». Там три разбойника топали в высоких сапогах по похжей заводи и пели песню, «нормальные герои всегда идут в обход». Если память всё правильно сохранила спустя шестьдесят лет.

Семья облюбовала место для привала на восточном склоне балке, довольно густо поросшем деревьями и с густой и высокой травой. По этому склону шли три горизонтальные тропы. Одна вдоль обрывистого берега, у самого края. Одна тропа шла по самому верху, на уровне полей. И ещё одна разрезала травянистый склон примерно по середине.

Вот между нижней и средней тропой и расстелили покрывало путешественники и разложили имущество. В жару место в тени и рядом с водой выглядело очень даже правильно. Было очень приятно сидеть в один ряд с родителями и отдыхать от неблизкого пути.

Сестра сразу сбросила верхнюю одежду и убежала на пляжик, где было много знакомых ей детей. И именно в этот момент по нижней тропе проходил отцовский знакомец с фотоаппаратом. Тот видимо не упускал случая подзаработать на своём мастерстве.

Так и появилась фотография, где Кешка сидит на травянистом склоне между родителей. Хочется верить, что она сохранилась у кого-то.

Немного отдохнув от долгого пути, решили окунуться и Кешка с Отцом. Они форсировали по хитрой тропе таинственный заливчик и добрались до нужного им места.

На мысе мелкая ребятня плескалась у берега, играла в лады. Лежала на каменистом берегу на плоской вершине мыса.

У Отца были голубые плавки, и он с сыном заходил в холодную воду очень медленно. Тогда он был молодым и крепким мужчиной. Как-то в пивбаре началось соревнование между здоровяками, кто поднимет одной рукой барный стул, на котором сидели за высокой стойкой. А он был на трубе диаметром пятьдесят миллиметров, высокий металлический, массивный для дополнительной устойчивости. Опора была круглой из стального толстого листа. Мало кто из богатырей шахтёров смог это сделать. Но всем на удивление и Отец Кешки тоже поднял этот не спортивный снаряд.

Отец тогда и учил Кешку заходить в воду постепенно, руками зачерпывать воду и смачивать плечи и руки, грудь. Чтобы организм привык и сердечко не засбоило. В детстве это казалось немного лишней предосторожностью. Но потом, уже взрослым утонул знакомый парень. Который лежал на пляже в компании, где-то не на Родине, грелся и может даже выпивал. А потом со словами.

-Смотрите как могут донбасские шахтёры!

Разбежался и нырнул в воду. Выплыть живым ему не удалось. Тот, кто рассказывал об этом Иннокентию не мог юморить. Юмор получился бы уж очень чёрным. Его лицо перекосила гримаса больше похожая на приступ боли. Утонувший был наш поселковый, хороший парень и знакомый.

С водой шутки плохи, как и с огнём. Много людей гибнет каждый год.

Пикник получился отменным, летний денёчек был прекрасен. Семья отдыхала от жары, пила вкусный и резкий квас, иногда ходила поплавать в воде. Отец хорошо плавал сажёнками, ведь он с детства рос на большой реке. И рассказал поучительную историю однажды с ним случившуюся. Они любили нырять в реку с баржи, к ней подплывали и залазили. Те обычно стояли на якоре вдалеке от берега, а в тот раз Отец нырнул и почувствовал, что грудью прёт по дну. Хорошо, что он руки вытянул вперёд и ниже лица. А то мог бы и шею сломать. Когда он вынырнул и обплыл баржу, то увидел, что судно одним концом стоит на берегу.

Кешка был непоседой и успел облазить весь берег, побегать по всем тропкам, но настоящий сюрприз его ожидал, когда он влез на самую верхнюю тропу. Посадки тут не было и открылось чудесное зрелище. Перед ним стоял беспечно открытый и беззащитный, бесконечный яблоневый сад с ровными рядами. Огромные плодовые деревья были увешаны яблоками и никого не было видно в этом дивном лесу. Мальчишка пробежал метров двадцать до ближайшей яблони, быстро собрал лежавшие на полу плоды и быстро ретировался. Ну сколько он там мог их в руках унести. И никакие таинственные хранители волшебного царства не стали его догонять. Даже никто не окликнул, а какие были вкусные яблочки собственноручно добытые. Всё для трудящихся!

Это был чудесный летний праздник, запомнившийся будущему сорванцу. Состоялось знакомство с Первым ставом, местом паломничества поселковой детворы. В этом месте сошлось всё, вода, фрукты, отдых на свежем воздухе.

Назад шли довольные и удовлетворённые. День был прожит не зря. Эх, был бы чуть поближе этот став, цены бы ему не было.

В двадцать первом веке ставки заняты рыболовами и ездящий на мопеде сторож на четвёртом ставе, с другого берега, как-то вечером выстрелил в сторону костра, где сидел Иннокентий с другом. Было слышно, как пуля глухо ударила в землю, значит стрелял почти прицельно. Волшебный же сад уничтожили ещё при СССР, бульдозерами сгребли горы деревьев к лесопосадкам, и они там лежали не один десяток лет. Счастье не вечно, ловите каждый его момент.

С Отцом Кешка гостил у родственников в лесном краю на станции Лумба. Довольно часто мальчишка ездил только с Отцом в его отпуск. Один раз даже зимой ехали в вагоне без отопления. Стёкла в окнах были покрыты толстым слоем инея.

Там были и небольшие извилистые речки с затонами, в которых росли кувшинки. И рожь в полях колосилась гигантская. Леса были таинственные для мальчика. Поляны у домов были заросшими ароматным клевером. Очень всё смутно помнится, отдельными эпизодами. Хорошо только запомнилось как он бегал по земле босой, а когда выбежал на поле со скошенной стернёй то проколол себе ногу. Он с удивлением смотрел на кровоточащую подошву, ему не верилось, что об траву можно пораниться.

Очень живописные места. Когда Иннокентий слышит песню «На дальней станции сойду» на стихи Николая Рубцова, то именно эти не близкие места встают у него перед глазами.

И как в песне, «живой воды попью у журавля». Именно здесь Кешка впервые увидел у колодца такую водо достающую конструкцию как журавль. Очень она его поразила.

Что и говорить, всё в жизни переплетено. Довелось Кешке побывать с Отцом у памятника поэта, написавшего эту песню, он жил в этом старинном городе. Высокая красная стела из красного гранита с выбитой цитатой из его стиха на месте его последнего упокоения. «О Русь, храни себя, храни».

Были видимо периоды, когда Мама не работала, сидела дома. До сих пор Кешка помнит ее протяжный крик, как Мама выходила за дом и звала его по имени. То ли кушать, то ли уже спать.

Конечно, родители все же пытались контролировать сорванца, держать под присмотром. Кешка помнил, что он довольно много раз бывал с Мамой на ее работе. А работа была у нее тогда вкусной и ароматной. В пекарне Мама выпекала хлеб и Кешка зачаровано ходил по хлебозаводу и смотрел как в большом чане железный рычаг перемешивает тесто. Как Мама вынимает из горячей печи готовые хлебы, круглые и румяные. Как ставит туда на карусельные полки круглые комки теста. Кешка и сам лепил ладошками маленький шарик из теста и ставил рядом с большими заготовками. Мальчишка очень радовался, когда наконец, приезжала полка с его маленькой булочкой.

Черный хлеб выпекался в алюминиевых прямоугольных формах, их много бракованных валялось во дворе пекарни и шпанец строил из них свои баррикады. Все-таки любое производство дело не безопасное, но Кешка не попал под электричество или в механизмы.

Сестра Кешки тоже принимала участие в присмотре, она была едва ли не старше всех детей во дворе и это имело свои плюсы.

Как Сестра вспоминала, пошла она как-то в клуб на дневной киносеанс. Ну а маленький Кешка был в качестве прицепа и ехал на закукорках, на спине. В платьице сестры карманов не было, и она положила монетку в десять копеек для покупки билета себе в рот. Но уже при подходе к цели, манипулируя маленьким братом она проглотила заветную монетку. Назад отправились таким же образом, но роняя на дорогу слезинки.

Совпадение или нет, но Кешка помнил другой эпизод, когда он уже с родителями сходил вечером в кино и выйдя на улицу решительно заявил, что хочет какать. Сел под стену и вскоре там появилась аккуратная кучка. Родители еле оттащили его от неё, так как малец хотел проинвестировать ревизию своего богатства. Он утверждал, что вчера проглотил монету и он уверен, что деньга уже вышла.

Клуб тоже был отличный, а перед ним были разбиты фантастические клумбы с цветами. В яркий солнечный день с ароматом всей этой цветущей икебаны, давали ощущения праздника. Там впервые Кешка был очарован красотой этих созданий природы. Особенно пришлись по душе, казалось бы, простые бархатцы, глубина и насыщенность их цвета, контрастные цветопереходы. Как будто так задумал гениальный художник. Кешке нравились и бархатные занавеси на дверях и светящиеся мягким зелёным светом в темноте таблички с надписью выход. Это были прямоугольные деревянные коробочки со стеклом спереди, внутри которых горела лампочка. Это сейчас экраны или люминофоры.

Здесь Кешка увидел множество хороших цветных сказок, фильмов. Особенно его впечатлил фильм «Миллион лет до нашей эры» с гигантскими динозаврами и насекомыми. Кавказская пленница была совершенно неподражаема, она не шла ни в какое сравнение с тем чёрно белым видео на экране домашнего телевизора.

А однажды сестра спасла Кешке жизнь. Тем летом родители с Кешкой поехали навестить Сестру в пионерлагерь. И Кешка полез вместе с сестрой в большой уличный бассейн. Там был даже пологий спуск в воду для детей. Малец не забыл этот день. И когда шпендик зашёл по пояс в воду, то кто-то из пионеров поднырнул под него и дёрнул за ноги. Мальчонка упал на дно и начал захлёбываться, но на его счастье, вода была на удивление прозрачная и сестра увидела бедственное положение братика. Она схватила за ручки барахтавшегося и пускающего пузыри на дне утопающего и вытащила.

Отец же частенько брал парнишку с собой в пивную, где всем заправляла бессменная Самсоновна, а один раз вдвоем они поехали в город. Старая автостанция возле перекрестка главных улиц была местом сакральным. Для мальчика она была как телепорт. До сих пор снится просторная площадь с рядом автобусов, обочина дороги, на которую выходили на посадку в

сторону поселка люди, окрестные дома заборы, киоски, чебуречная с удивительно вкусным товаром.

Однажды Отец, там в ожидании рейса, вяло переругивался с соседом по скамейке и обозвал того камбалой подкильной. Видимо конфликт был не накаленный, пустой.

Когда шли через квартал частных домов, там, где сейчас дом быта, то Кешка был поражён глубокой старостью деда. Тот сидел у забора, через который свешивались ветви вишни с ягодами, на лавочке возле своей калитки. Лавочка тоже была под стать ему. Деревянная толстая серая доска на двух опорах из дикого камня. Не смотря на лето и жару на ногах у того были валенки. Нет давно той автостанции, домиков и то солнечное лето осталось только в памяти Иннокентия.

Возле ДК Ленина, была забегаловка. Там Отец долго сидел в шумном кафе и пил, видимо, что-то покрепче пива. Так как идя назад по скверу, он неверно пошатывался и вдруг упал на траву под акациями ничком и долго так лежал. А маленький Кешка в отчаянии крутился вокруг него и не совсем понимал, что случилось. Никто к ним не подошел, так как малец шума не поднимал. Ну может немного хныкал, но так, для внутреннего пользования. Город шахтерский, суровых мужиков и видимо ничего не обычного прохожие не видели, человек не рассчитал своих сил. Чем кончилось приключение память не сохранила. Все рядовые, стандартные вещи растворились в тумане памяти. Наверно передремал подвыпивший шахтер, да и убрел домой.

Ну и малец набирался жизненного опыта, понюхав жизнь со всех сторон. Понемногу научился разбираться что к чему и почему.

Брал Отец Кешку с собой и на свою работу, видимо получать зарплату. Может это спасало его от обязательной в получку пьянки с товарищами? Кешка помнит административное здание третьей шахты, но больше всего его впечатлил террикон, громадный как гора. И на его вершину на тросах по рельсам ползла одна вагонетка. На самой вершине стояла высокая из стальных профилей пэ-образная рама. И когда вагонетка доползала до самой макушки, то опрокидывалась и порода сыпалась вниз по склону, некоторые большие глыбы феерично кувыркались. Террикон рос в высь и в сторону обратную от шахты.

Но больше всего Кешке запомнился поход на четвёртую шахту, где он чуть серьёзно не пострадал. Шли туда пешком, а Кешка ехал на трёхколёсном велосипеде. Отец выломал рогатину, которой сзади упирался в раму велосипеда и таким образом облегчал Кешкин путь. Сама шахта стояла немного в низине, около балки. И туда ввела долгая дорога с вершины холма и всё время под уклон. Эти дороги на шахты! Кешка помнил все их до последнего метра. Он любил путешествовать с Отцом.

Кешке ехать с горки нравилось, педали крутить было не надо. Его железный друг ехал сам собой. Но на завершающем этапе, в двухстах метрах от ворот шахты, уклон стал очень крутой и велосипед стал быстро разгоняться. Кешка попытался притормозить, но от сильного и резкого рывка при попытке крутить педали назад, велосипедная цепь слетела. И велик без тормозов разогнался до большой скорости на участке в сотню метров.

Кешка не испугался, он был мал и глуп. Он держал руль прямо и уже предвкушал как сейчас врежется в большие металлические двустворчатые ворота. Это казалось ему очень интересным, вот только он не понимал, что предстоит серьёзное испытание прочности костей его черепа. Иначе он бы повернул бы налево. На площадь перед конторой. Он бы на такой скорости скорей всего на повороте опрокинулся бы и полетел кувырком. Но возможно это было бы лучше, чем лобовое столкновение со стальной преградой.

Буквально в паре метров от возможной катастрофы велосипед остановился. Отец наконец смог догнать сына и схватил велик за заднюю часть рамы. Отец запыхался от спурта и испытывал большое облегчение от того, что спас сына. А маленький глупец чувствовал лёгкое разочарование. Он уже так настроился на таран ворот предприятия.

В коридорах конторы, облицованных белой керамической плиткой Кешка нашёл большой сюрприз. Из крана в пункте водопитания шахтёров, это была сквозная ниша в стене, бежала газированная вода. Совершенно бесплатно, климат то был летом жаркий и сухой. Если бы ещё было бы с сиропом, то было бы как в Москве. Кешка был почти в восторге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.